

Социальные верования, политическое доверие и готовность к политическому поведению: сравнение России и Украины

Гулевич О.А.

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3806-5064>, e-mail: ogulevich@hse.ru*

Сариева И.Р.

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9223-2180>, e-mail: isarieva@hse.ru*

Цель исследования. Анализ связи между социальными верованиями, политическим доверием и готовностью участвовать в нормативных и ненормативных формах политического поведения.

Контекст и актуальность исследования. На фоне растущей политизации жителей большинства стран увеличивается запрос на анализ факторов, связанных с готовностью граждан участвовать в различных формах политической активности: от голосования до уличных протестов. Крайне важным является выявление универсальных и культурно-специфичных факторов.

Дизайн исследования. В работе изучалась связь между социальными верованиями, политическим доверием и готовностью участвовать в политической активности. Наличие и характер взаимосвязи проверялись через корреляционный анализ и моделирование структурными уравнениями (SEM).

Выборка. Российская выборка: 440 человек (76,4% мужчин, 23,4% женщин) от 23 до 77 лет ($M=38,99$; $SD=11,62$). Украинская выборка: 249 человек (59,8% мужчин, 40,2% женщин) от 23 до 65 лет ($M=35,55$; $SD=10,76$).

Методы. Русскоязычные версии шкал «Вера в опасный мир» Дж. Даккита и «Вера в справедливый мир» К. Далберта; авторская шкала политического доверия; авторская шкала готовности участвовать в политической активности.

Результаты. Вера в справедливый мир увеличивает политическое доверие, вера в опасный мир — уменьшает. Политическое доверие позитивно предсказывает готовность к участию в разных формах нормативной политической активности. Установлено наличие кросс-культурных различий по характеристикам модели между российской и украинской выборками.

Основные выводы. Существует взаимосвязь между социальными верованиями, политическим доверием и готовностью к участию в различных формах политической активности.

Ключевые слова: социальные верования, политическое доверие, политическое поведение, вера в справедливый мир, вера в опасный мир.

CC BY-NC

Для цитаты: Гулевич О.А., Сариева И.Р. Социальные верования, политическое доверие и готовность к политическому поведению: сравнение России и Украины // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 2. С. 74–92. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2020110205>

Social beliefs, political trust and readiness to participate in political actions: comparison of Russia and Ukraine

Olga A. Gulevich

*National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia,*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3806-5064>, e-mail: ogulevich@hse.ru

Irena R. Sarieva

*National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia,*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9223-2180>, e-mail: isarieva@hse.ru

Objectives. *Analysis of the relationship between social beliefs, political trust and readiness to participate in normative and non-normative forms of political actions.*

Background. *Amid growing politicization of citizens in different countries, the demand for an analysis of factors linked to the readiness of citizens to participate in various forms of political activity, from voting to street protests, is increasing. It is extremely important to identify universal and culturally specific factors that influence political behavior.*

Study design. *The study examined the relationship between social beliefs, political trust, and readiness to participate in political activity. The presence and nature of the relationship was verified through correlation analysis and structural equation modeling (SEM).*

Participants. *Russian sample: 440 people (76.4% of men, 23.4% of women) from 23 to 77 years old ($M = 38.99$; $SD = 11.62$). Ukrainian sample: 249 people (59.8% of men and 40.2% of women) from 23 to 65 years old ($M = 35.55$; $SD = 10.76$).*

Measurements. *Russian-language versions of the scales of Belief in a dangerous world by J. Duckitt and Belief in a just world by C. Dalbert. Author's scale of political trust and readiness to participate in political activity.*

Results. *Belief in a just world increases political trust; belief in a dangerous world reduces it. Political trust positively predicts readiness to participate in various forms of normative political activity. The presence of cross-cultural differences in the characteristics of the model between the Russian and Ukrainian samples is established.*

Conclusions. *There is a significant relationship between social beliefs, political trust and readiness to participate in various forms of political activity.*

Keywords: *social beliefs, political trust, political behavior, belief in a just world, belief in a dangerous world.*

For citation: Gulevich O.A., Sarieva I.R. Social beliefs, political trust and readiness to participate in political actions: comparison of Russia and Ukraine. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2020. Vol. 11, no. 2, pp. 74–92. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2020110205> (In Russ.).

Введение

Политическое поведение может принимать различные формы: от голосования до уличной активности. Исследователи классифицируют подобную активность по трем основным критериям: индивидуальное или коллективное, институализированное или неинституализированное, нормативное или ненормативное поведение. В последние годы уделяется особое внимание факторам, оказывающим влияние на различные формы политического поведения. Психологические исследования, посвященные политической активности, можно разделить на две основные группы.

В одних исследованиях изучаются факторы, оказывающие влияние на политическое голосование — индивидуальную, институализированную и нормативную форму политического поведения. Эти факторы включают в себя социодемографические (пол, возраст, образование и доход) и психологические (социальное доверие, индивидуальная политическая самоэффективность) характеристики [18]. В других исследованиях рассматриваются факторы, которые оказывают влияние на участие в массовой протестной активности — коллективной, неинституализированной, нормативной или ненормативной форме политического поведения. Они включают в себя такие психологические особенности, как коллективная политическая эффективность, групповые эмоции и групповая идентификация [5; 29; 31]. Таким образом, различные формы политического поведения рассматриваются как результат воздействия разных факторов. Как следствие, проведенные исследования не позволяют проанализировать, каким образом одни и те же факторы влияют на участие людей в различных формах политической активности.

В этом исследовании мы сконцентрируемся на одном факторе — социальном доверии. В целом под социальным доверием понимается вера человека в то, что окружающие люди действуют справедливым образом, «играют по правилам» и поэтому заслуживают доверия. Однако в психологических исследованиях рассматриваются три разных уровня доверия: генерализованное, групповое и межличностное доверие. Генерализованное доверие отражает доверие людям в целом; групповое доверие — доверие людям, обладающим определенными особенностями; межличностное доверие — доверие отдельным людям (членам семьи, друзьям, коллегам и т.д.).

В политической сфере наиболее важную роль играет форма группового доверия — доверие представителям власти и организациям, которые оказывают влияние на политические процессы. Политическое доверие отражает отношение людей к политической системе страны, организациям, которые образуют эту систему. Поэтому его можно рассматривать как универсальный психологический фактор, который предсказывает участие людей в индивидуальной и коллективной, институализированной и неинституализированной, нормативной и ненормативной форме политической активности. Цель данного исследования — проанализировать связь между социальными верованиями, политическим доверием и готовностью участвовать в нормативных и ненормативных формах политического поведения.

Социальные верования и политическое доверие

Социальные верования — это представления людей о том, какими особенностями обладают окружающие, как они взаимодействуют между собой, и как стоит вести себя по отношению к ним. На протяжении последних 50 лет ученые описали спектр подобных верований, которые отражают веру в «хороший» и «плохой» мир. Психологические исследования показали, что эти верования являются фильтром, сквозь который человек воспринимает других людей, социальные группы и социальные институты. Люди, которые верят в «хороший мир», обращают большее внимание на те аспекты событий, которые соответствуют их позитивному представлению о мире. В то же время люди, которые верят в «плохой» мир, уделяют большее внимание тем аспектам событий, которые подтверждают их негативные представления. Это означает, что социальные верования могут оказывать влияние на социальное доверие.

Яркий пример верований в «хороший» мир — это вера в справедливый мир, описанная М. Лернером [22]. Люди, которые верят в справедливый мир, считают, что мир вокруг них логичен и предсказуем, а каждый человек получает то, что он заслужил своими действиями. Современные исследователи полагают, что вера в справедливый мир может принимать качественно разные формы. Личная вера в справедливый мир — это убеждение человека в справедливости того, что происходит с ним лично. Общая вера в справедливый мир — это убеждение в справедливости того, что происходит в мире в целом [23]. Проведенные исследования показали, что как личная, так и общая вера в справедливый мир пред-

сказывают отношение человека к другим людям [23]. Однако исследователи расходятся в представлении о важности этих компонентов.

Одни полагают, что личная вера в справедливый мир оказывает более позитивное влияние, чем общая. В пользу этой точки зрения говорят исследования, которые показали, что чем больше подростки верят в справедливость мира по отношению к себе, тем выше они оценивают семейную и школьную атмосферу [10], тем больше доверяют политикам [30]. Аналогично чем больше заключенные верят в личную справедливость, тем более позитивно они оценивают прошедший судебный процесс и обращение с ними в тюрьме [9]. В то же время другие исследователи считают, что общая вера в справедливый мир оказывает более позитивное влияние, чем личная. В пользу этой точки зрения говорят исследования, которые показали, что чем больше люди верят в справедливость мира вообще, тем больше они доверяют людям в целом [6], политикам [3] и представителям власти [32]. Тем больше они ценят социальные нормы и подчинение представителям власти [14], тем больше поддерживают существующую социальную систему [21; 26].

Однако эти исследования имеют несколько ограничений и поэтому не позволяют сделать заключение об относительной важности личной и общей веры в справедливый мир. Во-первых, в большинстве исследований измерялся только один из двух компонентов веры в справедливый мир. Во-вторых, эти исследования были проведены в странах с различной историей отношений между гражданами и представителями политической власти, и, как следствие, полученные результаты могут обладать культурной спецификой. В основе нашего

исследования лежит предположение о том, что как личная, так и общая вера в справедливый мир играют роль «фильтра», сквозь который люди воспринимают представителей политической власти. Мы предположили, что личная (гипотеза 1а) и общая (гипотеза 1б) вера в справедливый мир будут позитивно связаны с политическим доверием.

Яркий пример верований в «плохой мир» — это вера в опасный мир, описанная Дж. Даккитом [12]. Люди, которые верят в опасный мир, считают, что мир вокруг них — нестабильное, опасное и угрожающее место, в котором «плохие» люди стремятся нанести ущерб «хорошим» людям. Многочисленные исследования [24] показали, что вера в опасный мир позитивно связана с правым авторитаризмом — синдромом, который включает три компонента: приверженность традициям и социальным нормам, якобы разделяемым всем обществом; готовность подчиняться любым представителям власти, которые считаются легитимными в той социальной группе, к которой принадлежит носитель взглядов; негативное отношение ко всем, кто не соглашается подчиняться таким властям, и к тем, кого эти власти считают своими врагами [4].

На первый взгляд, это означает, что вера в опасный мир должна увеличивать доверие социальным институтам, поскольку они представляют политическую власть в стране. Однако стоит заметить, что правый авторитаризм касается одобрения и подчинения одному или нескольким «сильным» политическим лидерам, которые подавляют несогласных. Политические организации, в которых работает большое количество людей, имеющих разные интересы и выполняющих различные функции, противоречат идее одного (или нескольких) сильных

политических лидеров, действующих в одном направлении. На основании этого, когда речь идет о доверии политической системе, вера в опасный мир может «работать» иным образом. Люди, которые верят в опасный мир, постоянно ожидают нападения и поэтому не доверяют окружающим. Как следствие, мы предположили, что вера в опасный мир будет негативно связана с политическим доверием (гипотеза 1в).

Политическое доверие и политическое поведение

Социальное доверие предсказывает оценки и поведение людей. В целом доверие увеличивает желание человека работать на благо других. Вероятно, это происходит в силу того, что люди с высоким уровнем социального доверия ожидают от окружающих аналогичных действий. Первоначально влияние социального доверия было обнаружено в деловой сфере. Например, первые исследования показали, что чем больше участники экспериментов доверяли своим партнерам, тем больше ресурсов они жертвовали на благо группы [11]. Чем больше сотрудники организаций доверяли своим руководителям и организации в целом, тем чаще они осуществляли гражданское поведение [25] и тем меньше хотели поменять место работы [20].

Последующие исследования продемонстрировали, что подобная закономерность прослеживается и в социально-политической сфере. В частности, кросс-культурные исследования показали, что чем больше граждане различных стран доверяют людям в целом, тем с большей вероятностью они участвуют в работе экологических организаций [27]. Аналогично чем больше люди доверяют представителям политической власти, тем

чаще они участвуют в политической активности. Однако недавние исследования говорят о том, что этот эффект зависит от формы политического поведения: политическое доверие увеличивает вероятность участия в одних формах политической активности, но уменьшает вероятность участия в других. Изучая это различие, исследователи берут за основу разные классификации политического поведения.

Во-первых, политическое доверие по-разному связано с институализированной (голосование, участие в деятельности политических партий и обращение к представителям власти) и неинституализированной (подписывание петиций и участие в демонстрациях) политической активностью. Анализ данных, полученных в 25 странах в рамках третьей волны Европейского социального опроса (2006), показал, что политическое доверие увеличивает институализированное политическое поведение и уменьшает неинституализированное [19].

Во-вторых, политическое доверие может быть по-разному связано с нормативной и ненормативной политической активностью. В качестве нормативных рассматриваются действия, которые соответствуют широко распространенным

в обществе нормам и/или закону. В то же время ненормативными считаются действия, которые нарушают распространенные нормы и/или закон. Наиболее нормативной формой активности во многих странах является голосование, а наиболее ненормативной — насильственные формы уличной активности. Эта классификация была использована в целом ряде исследований, посвященных коллективным политическим действиям [5; 7; 17; 28].

Как правило, закон принимается и реализуется представителями политической власти, организациями, образующими политическую систему страны. Одной из причин соблюдения/нарушения закона может стать доверие/недоверие к этим людям и организациям. Люди с высоким уровнем политического доверия будут более склонны участвовать в тех действиях, которые соответствуют закону, и меньше в тех действиях, которые нарушают закон. Как следствие, мы предположили, что политическое доверие будет позитивно связано с готовностью людей участвовать в нормативных формах (гипотеза 2а) и негативно связано с готовностью участвовать в ненормативных формах (гипотеза 2б) политического поведения (см. рис. 1).

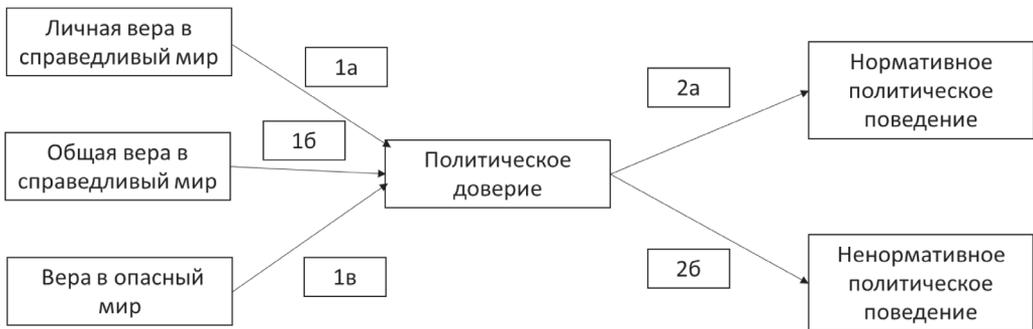

Рис. 1. Гипотезы исследования

Однако стоит заметить, что восприятие различных форм политической активности как нормативной или ненормативной зависит от политической культуры, распространенной в стране. Большинство исследований социального доверия и политической активности проводятся в западноевропейских и североамериканских странах. В то же время очень мало исследований проходит в восточноевропейских государствах. В нашем исследовании мы решили сфокусироваться на России и Украине.

Социальный контекст исследования

Россия и Украина — это интересный пример двух стран с долгой общей историей, но различной текущей политической ситуацией. С момента распада Советского Союза обе страны развивались самостоятельно.

Пик политической активности в России пришелся на 90-е годы прошлого века. С 2000 до 2015 годы (время проведения исследования) эта активность постоянно уменьшалась. Политические протесты от подписания петиций до уличных акций возникали все реже и реже. В этот период было принято несколько законов, уменьшающих возможности граждан влиять на социально-политическую ситуацию в стране. Один из таких законов, принятый после массовых протестов 2011–2012 годов, обязал граждан не только сообщать представителям власти о планируемых массовых акциях, но и получать разрешение на их проведение.

В результате в российском дискурсе сформировалось определенное различие между нормативными и ненормативными формами политической активности. Нормативное поведение включало в себя

голосование, обращение к политикам и подписание петиций, а ненормативное поведение — мирные, но не согласованные и насильственные уличные акции. В то же время мирные согласованные протесты заняли промежуточное положение. С одной стороны, участие в таких акциях не преследовалось по закону; с другой стороны, такие действия негативно освещались в средствах массовой информации.

Политическая ситуация в Украине развивалась иным образом. С 2000 по 2015 годы в этой стране произошли две революции, которые привели к смене политических лидеров. При этом не произошло серьезных изменений в законах, регулирующих политическую активность граждан, за исключением антипротестного закона, который был принят украинским парламентом, но быстро отменен. В момент проведения исследования в соответствии с законом украинские граждане должны были сообщать представителям власти о готовящемся уличном мероприятии, но не должны были получать разрешение на его проведение.

В результате в украинском дискурсе сформировалось иное представление о нормативной и ненормативной активности. Нормативное поведение включало в себя все мирные формы политической активности: голосование, обращение к политикам, подписание петиций и участие в согласованных мирных уличных акциях. Несогласованные мирные уличные акции и акции с применением насилия вызывали более противоречивую реакцию. С одной стороны, такие действия нарушали закон. С другой стороны, они происходили во время революций и становились причиной последующих изменений.

На наш взгляд, кросс-культурные различия в понимании нормативной и ненормативной политической активности

сти могут оказывать влияние на связь между политическим доверием и готовностью участвовать в различных формах политического поведения.

Методы исследования

Выборка. В исследовании приняли участие респонденты из России и Украины. Российская выборка включала в себя 440 жителей России (76,4% мужчин, 23,4% женщин), возраст от 23 до 77 лет ($M=38,99$; $SD=11,62$). Украинская выборка состояла из 249 жителей Украины (59,8% мужчин, 40,2% женщин), возраст от 23 до 65 лет ($M=35,55$; $SD=10,76$). Данные собирались в ходе онлайн-опроса в декабре 2015 года. Такая форма исследования гарантировала анонимность респондентов и распространялась через социальные сети (Facebook, Vkontakte). Респонденты принимали участие в исследовании на добровольной основе.

Процедура и материалы исследования. Респонденты заполняли методики для измерения социальных верований, политического доверия и готовности участвовать в политической активности. Для российской и украинской выборок были созданы разные версии опросника с указанием страны респондента. Все респонденты отвечали на вопросы об отношении к политической власти в своей стране.

Вера в справедливый мир измерялась с помощью шкалы, созданной К. Далберт (Belief in a Just World Scale) [8]. Русскоязычная версия шкалы включает 13 прямых утверждений: семь утверждений образуют субшкалу личной веры в справедливый мир (например, «Я верю, что обычно получаю то, что заслуживаю»), шесть утверждений — субшкалу общей веры в справедливый мир («Я верю, что в целом

мир справедлив»). Респонденты должны были отметить степень своего согласия с каждым утверждением по 6-балльной шкале: от 1 — «полностью не согласен» до 6 — «полностью согласен» [2].

Вера в опасный мир измерялась с помощью шкалы, созданной Дж. Даккитом (Dangerous World Beliefs Scale) [12]. Русскоязычная версия этой шкалы включает 10 утверждений, пять прямых («Наш мир — опасное и непредсказуемое место, в котором ценности и образ жизни порядочных людей находятся под угрозой») и пять обратных («Наш мир — это безопасное и предсказуемое место, где большинство людей не причиняют окружающим зла») пунктов. Респонденты должны были отметить степень своего согласия с каждым утверждением по 5-балльной шкале: от 1 — «полностью не согласен» до 5 — «полностью согласен» [1].

Политическое доверие измерялось с помощью шкалы, созданной авторами данного исследования. Она включала в себя шесть политических институтов: армию, судебную систему, политические партии, правительство, парламент и президента. Респонденты должны были отметить, насколько они доверяют каждому институту по 5-балльной шкале: от 1 — «совсем не доверяю» до 5 — «полностью доверяю».

Готовность участвовать в политической активности измерялась следующим образом. Респонденты должны были отметить, насколько они готовы участвовать в семи формах политической активности (голосовании, обращении к президенту, обращении к региональному политику, подписании коллективных петиций, мирных согласованных уличных акциях, мирных несогласованных уличных акциях и уличных акциях с применением насилия) по 5-балльной шкале: от 1 — «совсем не

готов» до 5 — «полностью готов». Эти формы политического поведения были выбраны по двум причинам. Во-первых, это были наиболее распространенные формы политической активности, которые осуществлялись как в России, так и в Украине. Во-вторых, восприятие нормативности этих форм могло иметь культурную специфику. Это, прежде всего, касалось мирных уличных акций: российские респонденты могли считать их менее нормативными, чем украинские.

Исследование проводилось на русском языке. Это решение было принято по нескольким причинам. Во-первых, социологический опрос, проведенный семью годами раньше, показал, что хотя все меньшее количество украинцев считают русский родным языком, около 80% населения Украины разговаривает на русском языке и даже предпочитает его в определенных видах коммуникации [15]. Во-вторых, ссылка на исследования распространялась через веб-страницы и группы, где россияне и украинцы обсуждали политику на русском языке. В-третьих, использование одного языка уменьшало риск неточностей, которые могли бы возникнуть при переводе, а также снимало необходимость валидации русскоязычных методик на украинском языке. Основное ограничение данного решения было связано с отсутствием в выборке украинских респондентов, которые не владели или не хотели использовать русский язык.

Результаты

Результаты, полученные на российской и украинской выборках, анализировались отдельно. Описательная статистика и корреляции между переменными вычислялись с помощью статистического пакета SPSS 20.0 (см. приложения А, В).

Для проверки гипотез было использовано моделирование структурными уравнениями (SEM), проведенное в программе Mplus (Version 7.11). Проверяемая модель включала в себя 10 переменных: социальные верования рассматривались как независимые переменные, политическое доверие — как медиатор, готовность к участию в семи формах политического поведения — как зависимые переменные.

Результаты, полученные на российской выборке, представлены на рис. 2, а результаты, полученные на украинской выборке, — на рис. 3. На рисунках отражены только статистически значимые связи. Модели имеют хорошие индексы соответствия: для российской выборки $\chi^2=48,02$, $df=21$, $p=0,000$; CFI=0,98; RMSEA=0,054, 90% CI [0,34, 0,074]; SRMR=0,04; для украинской выборки $\chi^2=33,94$, $df=21$, $p=0,038$; CFI=0,98; RMSEA=0,05, 90% CI [0,01, 0,08]; SRMR=0,05 (см. табл. 1).

В соответствии с гипотезами результаты показали, что социальные верования связаны с политическим доверием. Как в российской, так и в украинской выборках вера в опасный мир уменьша-

Таблица 1

Параметры моделей для всех выборок

Модели	χ^2	df	CFI	TLI	RMSEA	SRMR	AIC	BIC
Россия	48,02***	21	0,98	0,95	0,54	0,04	57728,59	57957,45
Украина	33,94*	21	0,98	0,96	0,05	0,05	31735,35	31932,33

Условные обозначения: *** — $p \leq 0,001$, ** — $p \leq 0,01$, * — $p \leq 0,05$.

ет политическое доверие, а вера в справедливый мир увеличивает его. Однако личная вера в справедливый мир предсказывает политическое доверие в обеих выборках, а общая вера в справедливый мир — только в российской выборке. Эти результаты полностью подтверждают гипотезы 1а и 1в и частично подтверждают гипотезу 1б.

Политическое доверие, в свою очередь, связано с готовностью к политическому поведению. В целом оно позитивно предсказывает готовность участвовать в нормативной активности. В обеих выборках политическое доверие увеличивает готовность голосовать, обращаться к местным политикам и президенту, подписывать коллективные петиции. Эти результаты полностью подтверждают гипотезу 2а.

Однако были обнаружены и кросс-культурные различия. В частности, в российской выборке политическое до-

верие не предсказывало готовность участвовать в мирных согласованных уличных акциях, но уменьшало желание участвовать в мирных несогласованных и насильственных уличных акциях. В то же время в украинской выборке политическое доверие увеличивало готовность участвовать в мирных согласованных уличных акциях, но не предсказывало готовность участвовать в мирных несогласованных и насильственных уличных акциях. Эти результаты частично подтверждают гипотезу 2б.

Сравнение российской и украинской моделей было проведено с помощью Wald-теста. Он продемонстрировал существование четырех основных различий:

- общая вера в справедливый мир была сильнее связана с политическим доверием в российской выборке, чем в украинской ($W=6,30, p<.01$);
- политическое доверие было сильнее связано с готовностью участвовать в

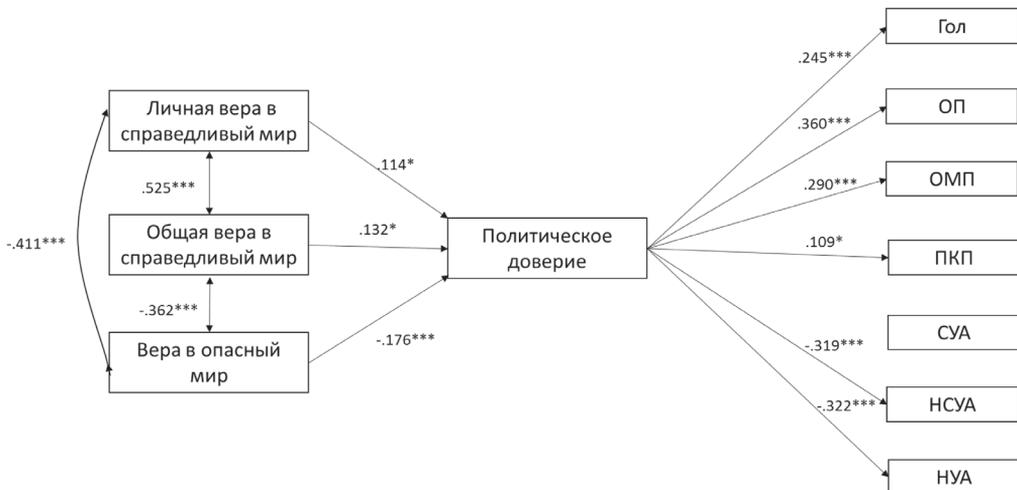

Рис. 2. Проверяемая модель: российская выборка: Гол=голосование; ОП=обращение к президенту; ОМП=обращение к местному политику; ПКП=подписание коллективных петиций; СУА=согласованные уличные акции; НСУА=несогласованные уличные акции; НУА=насильственные уличные акции; *** — $p<.001$, * — $p<.05$

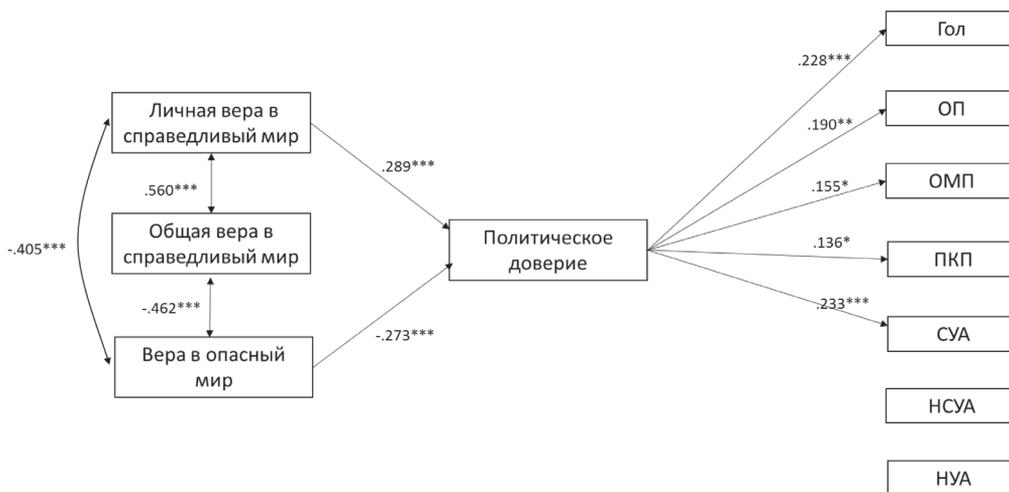

Рис. 3. Проверяемая модель: украинская выборка: Гол=голосование; ОП=обращение к президенту; ОМП=обращение к местному политику; ПКП=подписание коллективных петиций; СУА=согласованные уличные акции; НСУА=несогласованные уличные акции; НУА=насильственные уличные акции; *** – $p \leq 0.001$, ** – $p \leq 0.01$, * – $p \leq 0.05$

мирных согласованных уличных акциях в украинской выборке, чем в российской ($W=13,21, p < 0,001$);

– политическое доверие было сильнее связано с готовностью участвовать в мирных несогласованных уличных акциях в российской выборке, чем в украинской ($W=35,86, p < 0,001$);

– политическое доверие было сильнее связано с готовностью участвовать в уличных акциях с применением насилия в российской выборке, чем в украинской ($W=13,71, p < 0,001$).

Обсуждение результатов

В этом исследовании мы изучали связь между социальными верованиями, политическим доверием и готовностью участвовать в политической активности. Мы предположили, что социальные верования, отражающие веру в справедли-

вый и опасный мир, работают как «фильтры» и благодаря этому предсказывают политическое доверие. Политическое доверие, в свою очередь, предсказывает готовность участвовать в нормативной и ненормативной политической активности. Однако мы ожидали, что эта связь будет иметь культурную специфику, отражающую политическую культуру общества. Для изучения кросс-культурных различий мы провели исследование в двух странах с разной историей политических отношений – России и Украине.

Результаты этого исследования вносят вклад в понимание политической активности. Во-первых, они показывают, что политическое доверие определяется не только действиями конкретных политических институтов, но также относительно стабильными представлениями людей о мире в целом. В зависимости от содержания эти представления могут улучшать или ухудшать отношение к

ним. В частности, результаты, полученные в обеих выборках, показали, что вера в справедливый мир позитивно и вера в опасный мир негативно связаны с политическим доверием. Эти результаты соответствуют предыдущим исследованиям, в которых изучалась связь между социальными верованиями и отношением к политикам, а не к политическим институтам [14].

Однако связь между верой в справедливый мир и политическим доверием имеет культурную специфику. В российской выборке политическое доверие связано как с личной, так и с общей верой в справедливый мир, а в украинской выборке оно связано только с личной верой. Таким образом, ответы российских респондентов соответствуют результатам, полученным в других странах. В то же время ответы украинских участников соответствуют только результатам, полученным в Чехии [30], но противостоят результатам, полученным в Канаде [3] и Китае [32]. Возможно, что кросс-культурные различия в этой области связаны с представлением людей о своей зависимости от политических институтов. Однако этот вопрос требует дополнительного исследования.

Во-вторых, наше исследование показало, что политическое доверие — это важный фактор, который предсказывает готовность к разным формам политического поведения. Это заключение соответствует результатам ранее проведенного анализа [19]. Однако, в отличие от авторов этого анализа, которые рассматривали связь политического доверия с институализированным и неинституализированным политическим поведением, мы изучали связь этого фактора с нормативными и ненормативными формами активности.

Наши результаты говорят о том, что как в российской, так и в украинской выборке политическое доверие увеличивает готовность людей к однозначно нормативным формам политического поведения, которые не осуждаются социальными нормами и не запрещаются законом (голосованию, подписанию петиций, обращению к региональному политику и президенту). Вероятно, люди с высоким уровнем доверия верят в то, что представители политических институтов «играют по правилам», и поэтому пытаются повлиять на их деятельность, не нарушая их.

Однако были обнаружены кросс-культурные различия в связи между политическим доверием и готовностью к трем формам уличной активности. В российской выборке политическое доверие не было связано с готовностью к согласованным мирным акциям, но снижало готовность участвовать в несогласованных мирных и насильственных действиях. В украинской выборке политическое доверие увеличивало готовность участвовать в согласованных мирных уличных акциях, но не было связано с участием в несогласованных мирных и насильственных действиях.

Эти различия схожи с различиями связи между внешней политической эффективностью (верой в то, что представители политической власти заинтересованы в мнении граждан и готовы позитивно реагировать на него) и готовностью к разным формам политического поведения, обнаруженными на тех же выборках [17]. В российской выборке восприятие внешней политической эффективности было негативно связано с участием во всех трех формах уличной активности, а в украинской выборке — только с участием в несогласованных мирных и насильственных действиях.

Таким образом, в обоих случаях для российских респондентов граница проходила по мирным согласованным уличным акциям, а для украинских участников — мирным несогласованным уличным действиям. Это сходство не случайно: и внешняя политическая эффективность, и политическое доверие отражают определенные ожидания от представителей политической власти. В первом случае речь идет о чувствительности к мнению граждан, а во втором — о соблюдении определенных правил.

Однако характер связи внешней эффективности и политического доверия с ненормативными действиями несколько различается. По-видимому, низкая внешняя политическая эффективность связана с готовностью к действиям, которые нарушают либо закон, либо социальные нормы (любые формы уличной активности в российской выборке/несогласованные мирные и насильственные акции в украинской выборке). В то же время низкое политическое доверие связано с готовностью к действиям, которые нарушают и то, и другое (несогласованные мирные и насильственные уличные акции в российской выборке). Однако это предположение нуждается в дальнейшей проверке.

Следует отметить, что данная работа имеет ряд ограничений, что является потенциальной основой для будущих исследований. В первую очередь, это специфика выборки. В будущих исследованиях целесообразно проверить полученные результаты на более сбалансированных и репрезентативных выборках в России и Украине. Также следует учи-

тывать культурные и контекстуальные особенности восприятия респондентами тех или иных политических явлений и терминов (например, различий между согласованными и несогласованными уличными акциями). Данная задача могла бы быть разрешена с помощью лонгитюдного исследования с учетом контекстуальных переменных. Следующим потенциальным аспектом для будущих исследований является уточнение и дополнение понятия политического доверия как доверия не только к официальным институтам государственной власти (президент, парламент, армия, судебная система, политические партии, правительство), но и к институтам гражданского общества (некоммерческим, общественным организациям, медиа, национальным организациям).

Выводы

Результаты нашего исследования показали, что вера в справедливый мир позитивно связана с политическим доверием, а вера в опасный мир — негативно. Политическое доверие, в свою очередь, позитивно связано с нормативными формами политической активности, а именно: готовностью к голосованию, обращению к президенту и к местному политику, а также подписанию коллективных петиций. Данные связи в целом универсальны для российской и украинской выборок. Связь доверия с различными уличными акциями оказалась не универсальной и имела различные связи на разных выборках.

Приложение А

Описательная статистика и корреляции для российской выборки

	M	SD	α	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1. BOM	2,96	0,73	0,83											
2. BСMо	3,55	0,81	0,79	-0,36***										
3. BСMл	2,77	0,77	0,91	-0,41***	0,53***									
4. ПД	1,63	0,69	0,85	-0,27***	0,26***	0,26***								
5. Гол	3,70	1,43	-	-0,19***	0,18***	0,13**	0,25***							
6. ОП	2,42	1,39	-	-0,03	0,13**	0,15**	0,36***	0,34***						
7. ОМП	2,64	1,40	-	-0,02	0,10*	0,09	0,29***	0,33***	0,75***					
8. ПКП	3,70	1,33	-	-0,07	0,12**	0,15**	0,11*	0,38***	0,48***	0,47***				
9. СУА	3,52	1,35	-	-0,08	0,05	0,03	-0,06	0,47***	0,19***	0,20***	0,39***			
10. НСУА	2,91	1,39	-	0,09	-0,11*	-0,06	-0,32***	0,09	-0,04	-0,01	0,11*	0,53***		
11. НУА	2,22	1,31	-	0,15**	-0,23***	-0,11*	-0,32***	-0,15**	-0,10*	-0,08	-0,04	0,15**	0,63***	

Условные обозначения: BOM=вера в опасный мир; BСMо=общая вера в справедливый мир; BСMл=личная вера в справедливый мир; ПД=политическое доверие; Гол=голосование; ОП=обращение к президенту; ОМП=обращение к местному политику; ПКП=подписание коллективных петиций; СУА=согласованные уличные акции; НСКА=несогласованные уличные акции; НУА=насильственные уличные акции; *** – $p \leq 0,01$, ** – $p \leq 0,1$, * – $p \leq 0,5$.

Приложение В

Описательная статистика и корреляции для украинской выборки

	M	SD	α	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1. BOM	2,71	0,68	0,83											
2. BСMо	3,83	0,61	0,80	-0,46***										
3. BСMл	3,10	0,69	0,89	-0,41***	0,56***									
4. ПД	2,35	0,76	0,86	-0,34***	0,17**	0,34***								
5. Гол	4,48	0,85	-	-0,19**	0,05	0,04	0,23***							
6. ОП	3,73	1,10	-	-0,11	0,08	0,15*	0,19**	0,35**						
7. ОМП	3,64	1,09	-	-0,15*	0,05	0,13*	0,16*	0,37**	0,74***					
8. ПКП	4,22	1,01	-	-0,20***	0,12	0,01	0,14*	0,36***	0,60***	0,58***				
9. СУА	3,72	1,23	-	-0,19**	0,06	0,07	0,23***	0,39***	0,43***	0,45***	0,42***			
10. НСУА	3,61	1,18	-	-0,20***	0,16*	0,06	0,10	0,31***	0,47***	0,44***	0,38***	0,63***		
11. НУА	2,20	1,17	-	-0,09	0,07	0,07	-0,09	0,07	0,15*	0,18**	0,12	0,18**	0,46***	

Условные обозначения: BOM=вера в опасный мир; BСMо=общая вера в справедливый мир; BСMл=личная вера в справедливый мир; ПД=политическое доверие; Гол=голосование; ОП=обращение к президенту; ОМП=обращение к местному политику; ПКП=подписание коллективных петиций; СУА=согласованные уличные акции; НСКА=несогласованные уличные акции; НУА=насильственные уличные акции; *** – $p \leq 0,01$, ** – $p \leq 0,1$, * – $p \leq 0,5$.

Литература

1. *Гулевич О.А., Анিকেенко О.А., Безменова И.К.* Социальные верования: адаптация методик Дж. Даккита // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 11 (2). С. 68–89.
2. *Нартова-Бочавер С.К., Подлипняк М.Б., Хохлова А.Ю.* Вера в справедливый мир и психологическое благополучие у глухих и слышащих подростков и взрослых [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2013. № 3. URL: <http://psyjournals.ru/psyclin/2013/n3/64003.shtml> (дата обращения: 19.04.2019).
3. *Agroskin D., Jonas E., Traut-Mattausch E.* When suspicious minds go political: Distrusting and justifying the system at the same time // *Political Psychology*. 2015. № 36. P. 613–629. DOI:10.1111/pops.12185
4. *Altemeyer B.* The authoritarian specter. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996. 384 p.
5. *Becker J.C., Tausch N.* A dynamic model of engagement in normative and non-normative collective action: Psychological antecedents, consequences, and barriers // *European Review of Social Psychology*. 2015. № 26. P. 43–92. DOI:10.1080/10463283.2015.1094265
6. *Begue L.* Beliefs in justice and faith in people: Just world, religiosity and interpersonal trust // *Personality and Individual Differences*. 2002. № 32. P. 375–382. DOI: 10.1016/S0191-8869(00)00224-5
7. *Cameron J.E., Nickerson S.L.* Predictors of protest among anti-globalization demonstrators // *Journal of Applied Social Psychology*. 2009. № 39. P. 734–761. DOI:10.1111/j.1559-1816.2009.00458
8. *Dalbert C.* The world is more just for me than generally: About the personal belief in a just world scale's validity // *Social Justice Research*. 1999. № 12. P. 79–98. DOI: 10.1023/A:1022091609047
9. *Dalbert C., Filke E.* Belief in a personal just world, justice judgment, and their functions for prisoners // *Criminal Justice and Behavior*. 2007. № 34. P. 1516–1527. DOI: 10.1177/0093854807306835
10. *Dalbert C., Stoeber J.* The belief in a just world and domain-specific beliefs about justice at school and in the family: A longitudinal study with adolescents // *International Journal of Behavioral Development*. 2006. № 30. P. 200–207. DOI: 10.1177/0165025406063638
11. *De Cremer D., Snyder M., Dewitte S.* The less I trust, the less I contribute (or not)? The effects of trust, accountability and self-monitoring in social dilemmas // *European Journal of Social Psychology*. 2001. № 31. P. 93–107. DOI: 10.1002/ejsp.34
12. *Duckitt J., Wagner C., du Plessis I., Birum I.* The psychological bases of ideology and prejudice: Testing a dual process model // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2002. № 83. P. 75–93. DOI: 10.1037/0022-3514.83.1.75
13. *Duckitt J.* A dual-process cognitive-motivational theory of ideology and prejudice // *Advances in experimental social psychology*. 2001. № 33. P. 41–113. DOI: 10.1016/S0065-2601(01)80004-6(2001).
14. *Feather N.T.* Human values, global self-esteem, and belief in a just world // *Journal of Personality*. 1991. № 59. P. 83–107. DOI: 10.1111/j.1467-6494.1991.tb00769.x
15. *Gradirovski S., Esipova N.* Russian language enjoying a boost in post-Soviet states. 2008 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gallup.com/poll/109228/Russian-Language-Enjoying-Boost-PostSoviet-States.aspx> (дата обращения: 19.04.2019).

16. *Gulevich O., Sarieva I.* Just world belief and the image of the perfect political leader: The role of national identification // *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 2015. Vol. 12. No. 3. P. 30–40.
17. *Gulevich O., Sarieva I., Nevruov A. & Yagiyayev I.* How do social beliefs affect political action motivation? The cases of Russia and Ukraine // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2017. № 20. P. 382–395. DOI: 10.1177/1368430216683531
18. *Harder J., Krosnick J.A.* Why Do People Vote? A Psychological Analysis of the Causes of Voter Turnout // *Journal of Social Issues*. 2008. № 64. P. 525–549. DOI:10.1111/j.1540-4560.2008.00576.x
19. *Hooghe M., Marien S.* A comparative analysis of the relation between political trust and forms of political participation in Europe // *European Societies*. 2013. № 15. P. 131–152. DOI: 10.1080/14616696.2012.692807
20. *Hopkins S.M., Weathington B.L.* The relationships between justice perceptions, trust, and employee attitudes in a downsized organization // *Journal of Psycholog.* 2006. № 140. P. 477–498. DOI: 10.3200/JRLP.140.5
21. *Kay A.C., Jost J.T.* Complementary justice: Effects of “poor but happy” and “poor but honest” stereotype exemplars on system justification and implicit activation of the justice motive // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2003. № 85. P. 823–837. DOI:10.1037/0022-3514.85.5.823
22. *Lerner M.J.* The belief in a just world: A fundamental delusion. New York, NY: Plenum Press, 1980. 209 p.
23. *Lipkus I.M., Dalbert C., Siegler I.C.* The importance of distinguishing the belief in a just world for self versus for others: Implications for psychological well-being // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1996. № 22. P. 666–677. DOI: 10.1177/0146167296227002
24. *Perry R., Sibley C.G., Duckitt J.* Dangerous and competitive worldviews: A meta-analysis of their associations with social dominance orientation and right-wing authoritarianism // *Journal of Research in Personality*. 2013. № 47. P. 116–127. DOI:10.1016/j.jrp.2012.10.004
25. *Podsakoff P.M., MacKenzie S.B., Moorman R.H., Fetter R.* Transformational leader behaviors and their effects on followers` trust in leader, satisfaction, and organizational citizenship behavior // *Leadership Quarterly*. 1990. № 1. P. 107–142. DOI: 10.1016/1048-9843(90)90009-7
26. *Schlenker B.R., Chambers J.R., Le B.M.* Conservatives are happier than liberals, but why? Political ideology, personality, and life satisfaction // *Journal of Research in Personality*. 2012. № 46. P. 127–146. DOI:10.1016/j.jrp.2011.12.009
27. *Sonderskov K.M.* Environmental group membership, collective action and generalised trust // *Environmental Politics*. 2009. № 17. C. 78–94. DOI: 10.1080/09644010701811673
28. *Tausch N., Becker J.C., Spears R., Christ O., Saab R., Singh P., Siddiqui R.N.* Explaining radical group behavior: Developing emotion and efficacy routes to normative and non-normative collective action // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2011. № 101. P. 129–148. DOI:10.1037/a0022728
29. *Thomas E.F., Mavor K.I., McGarty C.* Social identities facilitate and encapsulate action-relevant constructs: A test of the social identity model of collective action // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2011. № 15. P. 75–88. DOI: 10.1177/1368430211413619

30. Umemura T., Serek J. Different developmental pathways from parental warmth to adolescents' trust in peers and politicians: Mediating roles of adolescent-parent attachment and belief in a just world // *Social Justice Research*. 2016. № 29. P. 186–205. DOI:10.1007/s11211-016-0258-x
31. van Zomeren M., Leach C. W., Spears R. Protesters as “passionate economists”: A dynamic dual pathway model of approach coping with collective disadvantage // *Personality and Social Psychology Review*. 2012. № 16. P. 180–199. DOI:10.1177/1088868311430835
32. Zhang Z., Zhang J. Belief in a just world mediates the relationship between institutional trust and life satisfaction among the elderly in China // *Personality and Individual Differences*. 2015. № 83. P. 164–169. DOI: 10.1016/j.paid.2015.04.015

References

1. Gulevich O.A., Anikeenok O.A., Bezmenova I.K. Sotsial'nye verovaniya: adaptatsiya metodik Dzh. Dakkita [Social beliefs: adaptation of scales by J. Duckitt]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics], 2014, no. 11 (2), pp. 68–89. (In Russ., Abstr. In Engl.).
2. Nartova-Bochaver S.K., Podlipnyak M.B., Khokhlova A.Yu. Vera v spravedlivyi mir i psikhologicheskoe blagopoluchie u glukhikh i slыshashchikh podrostkov i vzroslykh [Elektronnyi resurs] [Just world and mental well-being in deaf and hearing youth and adults]. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya* [Clinical Psychology and Special Education], 2013, no. 3. Available at: <http://psyjournals.ru/psyclin/2013/n3/64003.shtml> (Accessed 19.04.2019). (In Russ., Abstr. in Engl.).
3. Agroskin D., Jonas E., Traut-Mattausch E. When suspicious minds go political: Distrusting and justifying the system at the same time. *Political Psychology*, 2015, no. 36, pp. 613–629. DOI:10.1111/pops.12185
4. Altemeyer B. The authoritarian specter. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996. 384 p.
5. Becker J. C., Tausch N. A dynamic model of engagement in normative and non-normative collective action: Psychological antecedents, consequences, and barriers. *European Review of Social Psychology*, 2015, no. 26, pp. 43–92. DOI:10.1080/10463283.2015.1094265
6. Begue L. Beliefs in justice and faith in people: Just world, religiosity and interpersonal trust. *Personality and Individual Differences*. 2002, no. 32, pp. 375–382. DOI: 10.1016/S0191-8869(00)00224-5
7. Cameron J.E., Nickerson S.L. Predictors of protest among anti-globalization demonstrators. *Journal of Applied Social Psychology*, 2009, no. 39, pp. 734–761. DOI:10.1111/j.1559-1816.2009.00458
8. Dalbert C. The world is more just for me than generally: About the personal belief in a just world scale's validity. *Social Justice Research*, 1999, no. 12, pp. 79–98. DOI: 10.1023/A:1022091609047
9. Dalbert C., Filke E. Belief in a personal just world, justice judgment, and their functions for prisoners. *Criminal Justice and Behavior*, 2007, no. 34, pp. 1516–1527. DOI: 10.1177/0093854807306835
10. Dalbert C., Stoeber J. The belief in a just world and domain-specific beliefs about justice at school and in the family: A longitudinal study with adolescents. *International Journal of Behavioral Development*, 2006, no. 30, pp. 200–207. DOI: 10.1177/0165025406063638

11. De Cremer D., Snyder M., Dewitte S. The less I trust, the less I contribute (or not)? The effects of trust, accountability and self-monitoring in social dilemmas. *European Journal of Social Psychology*, 2001, no. 31, pp. 93–107. DOI: 10.1002/ejsp.34
12. Duckitt J., Wagner C., du Plessis I., Birum I. The psychological bases of ideology and prejudice: Testing a dual process model. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2002, no. 83, pp. 75–93. DOI: 10.1037/0022-3514.83.1.75
13. Duckitt J. A dual-process cognitive-motivational theory of ideology and prejudice. *Advances in experimental social psychology*, 2001, no. 33, pp. 41–113. DOI: 10.1016/S0065-2601(01)80004-6(2001).
14. Feather N.T. Human values, global self-esteem, and belief in a just world. *Journal of Personality*, 1991, no. 59, pp. 83–107. DOI: 10.1111/j.1467-6494.1991.tb00769.x
15. Gradirovski S., Esipova N. Russian language enjoying a boost in post-Soviet states [Elektronnyi resurs]. Gallup, 2008. URL: <http://www.gallup.com/poll/109228/Russian-Language-Enjoying-Boost-PostSoviet-States.aspx> (Accessed: 19.04.2019)
16. Gulevich O., Sarieva I. Just world belief and the image of the perfect political leader: The role of national identification. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2015. Vol. 12, no. 3, pp. 30–40.
17. Gulevich O., Sarieva I., Nevruiev A., Yagiyayev I. How do social beliefs affect political action motivation? The cases of Russia and Ukraine. *Group Processes & Intergroup Relations*, 2017, no. 20, pp. 382–395. DOI: 10.1177/1368430216683531
18. Harder J., Krosnick J.A. Why Do People Vote? A Psychological Analysis of the Causes of Voter Turnout. *Journal of Social Issues*, 2008, no. 64, pp. 525–549. DOI:10.1111/j.1540-4560.2008.00576.x
19. Hooghe M., Marien S. A comparative analysis of the relation between political trust and forms of political participation in Europe. *European Societies*, 2013, no. 15, pp. 131–152. DOI: 10.1080/14616696.2012.692807
20. Hopkins S.M., Weathington B.L. The relationships between justice perceptions, trust, and employee attitudes in a downsized organization. *Journal of Psychology*, 2006, no. 140, pp. 477–498. DOI: 10.3200/JRLP.140.5
21. Kay A.C., Jost J.T. Complementary justice: Effects of “poor but happy” and “poor but honest” stereotype exemplars on system justification and implicit activation of the justice motive. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2003, no. 85, pp. 823–837. DOI:10.1037/0022-3514.85.5.823
22. Lerner M.J. The belief in a just world: A fundamental delusion. New York, NY: Plenum Press, 1980. 226 p.
23. Lipkus I.M., Dalbert C., Siegler I.C. The importance of distinguishing the belief in a just world for self versus for others: Implications for psychological well-being. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 1996, no. 22, pp. 666–677. DOI: 10.1177/0146167296227002
24. Perry R., Sibley C.G., Duckitt J. Dangerous and competitive worldviews: A meta-analysis of their associations with social dominance orientation and right-wing authoritarianism. *Journal of Research in Personality*, 2013, no. 47, pp. 116–127. DOI:10.1016/j.jrp.2012.10.004
25. Podsakoff, P.M., MacKenzie, S.B., Moorman, R.H., Fetter, R. Transformational leader behaviors and their effects on followers` trust in leader, satisfaction, and organizational

- citizenship behavior. *Leadership Quarterly*, 1990, no 1, pp. 107–142. DOI: 10.1016/1048-9843(90)90009-7
26. Schlenker B.R., Chambers J.R., Le B.M. Conservatives are happier than liberals, but why? Political ideology, personality, and life satisfaction. *Journal of Research in Personality*, 2012, no. 46, pp. 127–146. DOI:10.1016/j.jrp.2011.12.009
27. Sonderskov K.M. Environmental group membership, collective action and generalised trust. *Environmental Politics*, 2000, no. 17, pp. 78–94. DOI: 10.1080/09644010701811673
28. Tausch N., Becker J.C., Spears R., Christ O., Saab R., Singh P., Siddiqui R.N. Explaining radical group behavior: Developing emotion and efficacy routes to normative and non-normative collective action. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2011, no. 101, pp. 129–148. DOI:10.1037/a0022728
29. Thomas E.F., Mavor K.I., McGarty C. Social identities facilitate and encapsulate action-relevant constructs: A test of the social identity model of collective action. *Group Processes & Intergroup Relations*, 2011, no. 15, pp. 75–88. DOI: 10.1177/1368430211413619
30. Umemura T., Serek J. Different developmental pathways from parental warmth to adolescents' trust in peers and politicians: Mediating roles of adolescent-parent attachment and belief in a just world. *Social Justice Research*, 2016, no. 29, pp. 186–205. DOI: 10.1007/s11211-016-0258-x
31. van Zomeren, M., Leach, C.W., Spears, R. Protesters as “passionate economists”: A dynamic dual pathway model of approach coping with collective disadvantage. *Personality and Social Psychology Review*, 2012, no. 16, pp. 180–199. DOI:10.1177/1088868311430835
32. Zhang Z., Zhang J. Belief in a just world mediates the relationship between institutional trust and life satisfaction among the elderly in China. *Personality and Individual Differences*, 2015, no. 83, pp. 164–169. DOI: 10.1016/j.paid.2015.04.015

Информация об авторах

Гулевич Ольга Александровна, доктор психологических наук, профессор, Департамент психологии Факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3806-5064>, e-mail: ogulevich@hse.ru

Сариева Ирена Ремаевна, старший преподаватель, Департамент психологии Факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9223-2180>, e-mail: isarieva@hse.ru

Information about the authors

Olga A. Gulevich, Doctor of Psychology, Professor, School of Psychology of Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3806-5064>, e-mail: ogulevich@hse.ru

Irena R. Sarieva, Senior lecturer, School of Psychology of Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9223-2180>, e-mail: isarieva@hse.ru

Получена 23.04.2019

Принята в печать 09.04.2020

Received 23.04.2019

Accepted 09.04.2020